

УДК 343

Криминология как социология преступности**Комлев Ю.Ю.**

Доктор социологических наук, профессор, начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

В статье рассматривается развитие криминологии как социологии преступности. Раскрывается объяснительный потенциал девиантологического подхода к изучению преступности.

Ключевые слова: девиантология, криминология, социология преступности.

Преступность во все времена вызывает острый социальный отклик; это одна из самых злободневных проблем, вокруг которой не утихают общественные и научные споры.

Преступность и преступное поведение – объект не только юридических, но и социологических исследований. Правоведа интересует, наряду с правотворчеством, природа нарушения норм уголовного законодательства, общие и специфические причины или условия, способствующие воспроизводству и распространению преступности, а также эффекты и проблемы правоприменения в работе полиции, судебной и пенитенциарной системы. Социолог, как правило, ищет социально типичное в преступности, интересуется коллективными аспектами человеческой жизни, изучая, как один социальный феномен (например, институализированное в социальной структуре социальное неравенство или быстрые социальные перемены, вызванные технологической революцией) влияет на уровень, дифференциацию, масштабы делинквентности как социального явления. Социологи анализируют связи между преступностью и другими проявлениями негативной девиантности, изучают работу не только институтов формального (полиция, судебная и пенитенциарная система), но и неформального (семья, религия, система образования, масс медиа, community) социального контроля.

Возникновение криминологии связывают обычно с выходом в 1761 г. книги Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», в которой излагаются ставшие классическими взгляды на преступность

как результат рационального выбора, на приоритет превенции над репрессией и жестокостью кары. Сам термин «криминология» введен в научный оборот антропологом Полем Топинаром лишь в 1879 г. Первая книга под таким названием была написана учеником Чезаре Ломброзо Рафаэлем Гарофало в 1885 г.

Однако стремительное развитие науки о преступности началось лишь в рамках биологического и социологического позитивизма в XX в. Эдвин Сатерленд в 1947 г. определил криминологию как учение о внутренних процессах законодательства (*law-making*), правонарушения (*law-breaking*) и правоприменения (*law-enforcing*).

Преступность в современном обществе многогранна и чрезвычайно сложна. В мировой науке в рамках различных научных подходов и парадигм сложилось множество теорий, исследовательских традиций, которые конкурируют между собой, дополняя друг друга. Так, например, одни ученые видят в преступности признак ослабленного или социально дезорганизованного общества. Другие, как это не парадоксально звучит, считают, что преступное поведение в терпимых пределах может послужить укреплению существующего правового и социального порядка. Третьи изучают преступность как социально обусловленный результат конкуренции и конфликта между различными группами в обществе, считая, что преступным является то поведение, которое создает угрозу определенным групповым или классовым интересам. В рамках феноменологии и постмодернистской криминологии преступность рассматривают как рекурсивную продукцию, реля-

тивный и конвенциональный социальный конструкт – часть историко-культурного контекста.

Современная криминология широко опирается на правовые, социологические, психологические, биологические знания и достижения других наук об обществе и человеке. Она стремительно развивается и сегодня уже не та, какой была даже два десятилетия назад. Неслучайно, в этой области знания продолжают дискуссии, и определений криминологии почти столько же, сколько криминологов.

Одна из распространенных точек зрения в мировой науке по этому вопросу состоит в том, что криминология – это социология преступности – наиболее развитая часть девиантологии. Девиантологи считают, что преступность – это форма негативной девиантности. Криминология представляет собой социологическую науку, изучающую различные проявления преступности как общественного феномена, являющегося, с одной стороны, поведенческой практикой – объективным продуктом социальной структуры, культуры, технологических и социальных перемен, происходящих в современном мире. С другой стороны, преступность – результат социального конструирования, это рекурсивная продукция, созданная в ходе социально-коммуникативного процесса, в который вовлечен преступник, его жертва и политико-правовые институты государства.

Девиантологический подход прочно укоренился в англоязычной и частично российской научной литературе. В чем российские истоки девиантологической традиции?

Российская наука о преступности конца XIX – начала XX вв. была представлена блестящими исследователями-правоведами. Среди них: М.В. Духовской, И.Я. Фойницкий, С.В. Позднышев, М.Н. Гернет, С.К. Гогель, Д.А. Дриль, Н.Н. Полянский и другие. В работах этих талантливых криминологов-позитивистов более ста лет назад немалое значение придавалось изучению социальных причин преступности. Весьма существенную роль в «социологизации» проблемы преступного поведения и широком применении социологических методов по изучению преступности и других девиаций имели яркие труды М.Н. Гернета: «Социальные факторы преступности» (1905), «Общественные причины преступности. Социологическое направление в науке уголовного права» (1906), «Наркотицизм, преступность и уголовный закон» (1924).

В советский период вплоть до 60-х гг. социальные аспекты преступности исследовались в рамках науки уголовного права (А.А. Пионтковский, М.Д. Шаргородский, Е.Г. Ширвиндт, Б.С. Утевский и др.). Отечественная криминология как наука формировалась и активно развивалась в этот период в рамках правоведения, особенно в период «хрущевской оттепели». В девиантологическом (социологическом) дискурсе ее институционализация была

невозможной исключительно по идеологическим причинам, поскольку зарубежная социология считалась властями в то время «буржуазной лженаукой», полипарадигмальность и базовые положения которой вступали в противоречие с «единственно верным учением». Отсюда в рамках отечественной юриспруденции изучение преступности как «родимого пятна капитализма» происходило в определенном отрыве от достижений мировой научной мысли.

В результате развития идеологически более нейтрального юридического дискурса криминология стала выступать общетеоретической дисциплиной для наук криминального цикла (уголовного, уголовно-исполнительного права, уголовного процесса, криминалистики, ОРД, судебной психологии).

В 60-е, 70-е, 80-е, 90-е гг. стали выходить фундаментальные криминологические работы В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, А.А. Герцензона, Л.В. Франка, П.С. Дагеля, П.С. Тоболкина, В.М. Когана, А.М. Яковлева, Г.М. Миньковского, Ю.М. Антоняна, Г.А. Аванесова, Ю.Д. Блувштейна, С.Е. Вицина, Я.И. Гилинского, В.Е. Квашиса, Г.Ф. Хохрякова, В.Д. Ривмана, К.Е. Игошева, Н.Ф. Кузнецовой, А.И. Долговой, Б.В. Волженкина, В.В. Лунеева, Д.А. Шестакова и других отечественных исследователей.

В советской и российской криминологии выделился ряд относительно самостоятельных направлений исследования и отраслей, таких как: преступность несовершеннолетних, насильственная преступность, прогнозирование и профилактика преступности, виктимология, пенитенциарная криминология, экономическая криминология, семейная криминология, криминология политической преступности.

Однако и в советский период, после «оттепели» наряду традиционным юридическим пробиало себе дорогу и социологическое направление в осмыслении проблем уголовного права и криминологии. Одной из таких работ стала монография А.А. Герцензона «Уголовное право и социология» (1970). В 1986 г. вышла замечательная книга Л.И. Спиридонова «Социология уголовного права», в 1988 г. – работа А.М. Яковлева «Социология экономической преступности».

К середине 80-х гг. прошедшего столетия в СССР сложилась группа социологически ориентированных правоведов и криминологов. В своих рассуждениях они далеко вышли за рамки официальной советской науки о преступности, для которой характерны постулаты: преступность – чуждое советскому народу явление; его причины – капиталистическое окружение и «пережитки капитализма» в сознании людей; нужно «усилить борьбу», чтобы «земля горела под ногами хулиганов», и тогда преступность будет ликвидирована. Это Л. Спиридонов, А. Яковлев, В. Коган, Г. Забрянский, А. Лепс, Э. Раска, Ю. Блувштейн, В. Юстицкий, А. Добрынин, Я. Гилинский и многие другие.

В современной российской науке, параллельно с юридическим направлением, активно развивается социологический взгляд на криминологию. Социально-экономическую детерминацию преступности успешно анализировал один из основателей современной российской криминологии академик В.Н. Кудрявцев, который еще в советский период поддерживал более емкий девиантологический подход к изучению преступности и социологически ориентированных криминологов, социологическую линию исследований социально-правовых явлений [1, с. 12]. Так, авторы фундаментальной монографии «Социальные отклонения», выдержавшей несколько изданий, В.Н. Кудрявцев, С.В. Бородин, Ю.В. Кудрявцев, В.С. Нерсесянц одними из первых в стране рассуждают о феномене девиаций, рассматривая преступность как негативное социальное отклонение во взаимосвязи с другими формами девиантности: алкоголизмом, наркоманией, суицидами, социальным паразитизмом, бюрократизмом [2, с. 242]. Лидер российской криминологической ассоциации А.И. Долгова в 3 главе учебника «Криминология» (1999) с вполне девиантологических позиций пишет, что «преступность подлежит рассмотрению и как часть такой более общей для нее системы (но менее общей, чем общество в целом), как негативные социальные отклонения».

Широкий социологический ракурс при изучении семейной преступности, экстремизма и терроризма, других проявлений криминальной активности характерны многим современным Санкт-Петербургским криминологам: Д.А. Шестакову, С.У. Дикаеву, А.Л. Сморгуновой. Социологически ориентированы многие криминологические работы В.С. Овчинского, в которых раскрываются методологические вопросы прикладных криминологических исследований, анализируются проблемы превенции преступности несовершеннолетних, противодействия организованной преступности, размывание предмета традиционной позитивистской криминологии. Социологические воззрения на преступность как социальное явление характерны отечественным криминологам Д.А. Ли, С.Г. Олькову, Э.Г. Юзихановой и многим другим исследователям.

Социологический дискурс наиболее ярко и продуктивно структурирован в работах криминологов Я.М. Яковлева «Социология преступности (криминология). Основы общей теории» (2001), «Социальная структура общества и право» (2009) и Я.И. Гилинского «Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль» (2002, 2009), Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» (2007, 2013), «Социальное насилие» (2013) и другие.

С точки зрения Я.И. Гилинского, выстраивается следующая иерархия наук: социология – девианто-

логия – криминология. Девиантологи считают, что понятия «преступное поведение» и «преступность» органично вписываются в объем таких более общих терминов, как «девиантное поведение» как отдельный феномен и «девиантность» как массовое социальное явление [3, с. 20]. Отсюда, криминология выступает как наиболее развитая часть девиантологии – более общей науки о социальных отклонениях.

При этом криминология сохраняет и находится во взаимосвязи со многими другими науками и научными направлениями. Она теснейшим образом связана с юридическими науками криминального цикла: уголовным правом, уголовным процессом и уголовно-исполнительным правом. Криминология является базовой наукой для этих дисциплин, поскольку призвана объяснить социальную – в широком смысле интегральную – природу преступности, обусловленность преступлений социальными и иными факторами, охарактеризовать субъектов индивидуального преступного поведения и вскрыть его механизм, определить пути и методы социального контроля над преступностью на том или ином этапе общественного развития.

Очевидна связь криминологии с психологией, поскольку в механизм любого индивидуального поведенческого акта, в том числе преступного, входят психологические составляющие (интеллект, воля, эмоции, личностные особенности, психопатологии). На развитие криминологии, начиная с ее образования, влияют достижения современной антропологии и биологии. С современной криминологией взаимодействуют экономическая наука, политология и даже культурология. Все эти связи указывают на междисциплинарный, мультидисциплинарный, интегративный характер многоаспектного криминологического знания.

Отечественную криминологию как социологию преступности – раздел девиантологии сегодня наиболее активно развивают криминологи ленинградской-Санкт-Петербургской школы во главе с Я.И. Гилинским. Эту же точку зрения на криминологию разделяли и разделяют казанские девиантологи Н.С. Фатхуллин, [А.Л. Салагаев], Ю.Ю. Комлев, С.Н. Дружков, [А.Н. Казаков] и другие. В широкой социологической парадигме подготовлены криминологические работы девиантологов Тюмени С.Г. Олькова, Э.Г. Юзихановой, И.А. Грошевой и др.

Зарубежная, прежде всего самая большая в мире по числу публикаций и ученых англо-американская криминология значительную часть своей истории развивается как социология криминального поведения, начиная с первой Чикагской школы. В науке о преступности в США традиционно доминирует социологическая парадигма и социологическая методология, хотя и используются достижения других областей знания. О влиянии социологически ориентированных криминологов, носителей док-

торских степеней по социологии свидетельствует персональный состав авторов фундаментального учебника «Криминология», подготовленного под редакцией Дж.Ф. Шели и изданного в переводе в Санкт-Петербурге в 2003 г. Девиантологический подход к изучению преступности также широко представлен среди значительной части европейских криминологов, разделяющих основные девиантологические идеи. Из работ европейских криминологов социологической ориентации хорошо известны труды Фрица Зака, Нила Кристи, Матти Лайне, Эндю Лепса и других [4].

Криминология XXI в. активно развивается как в мире, так и в России. Наука о современной преступности упрочила свой полипарадигмальный статус, в ее методологическом арсенале широко используются поликонцептуальность и методологическое разнообразие: статистические, количественные и качественные социологические методы, методологическая триангуляция. Ее предметная область активно расширяется за счет новых тем и актуальных криминологических исследований криминальной активности в Интернет-пространстве, пограничных с преступностью социальных явлений и форм негативной девиантности, за счет образования новых отраслей и теорий преступности. Прогресс криминологии прежде всего обязан развитию новых подходов и теоретических перспектив, более адекватных наступившей эпохе постмодерна.

Усложнение этиологии преступного поведения в постиндустриальном, постмодернистском мире требует новых подходов, нового понятийного аппарата, новых идей и теорий, новых дискуссий. Девиантологический ракурс исследования – не бесспорный, но его несомненное достоинство в том, что он позволяет увидеть естественные, искусственно нерасчлененные связи преступности с другими проявлениями разрушительной для личности и общества негативной девиантности, таких как: алкоголизм, наркотизм, проституция, порнография, суициды, гэмблинг, компьютерный эскапизм и другие. Девиантологический подход к изучению преступности позволяет анализировать не только взаимосвязи преступного поведения и других проявлений девиантности, но и наиболее общие причины, генезис и закономерности всех этих явлений не только в правовом, но и более широком социокультурном контексте. Девиантология позволяет интегрировать современные научные знания о био-психо-социальной природе преступности. На ее основе можно более продуктивно осмыслить процессы конструирования и деконструирования норм уголовного права и преступности, криминализации и декриминализации в нормотворчестве, отправлении правосудия. Девиантологический подход имеет немалый эвристический потенциал для разработки и реализации мер превенции и репрессивного противодействия в

системе институтов формального социального контроля и исправления преступников и девиантов в пенитенциарной системе.

С одной стороны, преступность – наиболее изученный социальный феномен. С другой стороны, в эпоху постмодерна, когда стремительно меняется мир и научное знание, происходит естественное расширение предмета криминологии, и термин «преступность» снова становится дискуссионным и не вполне определенным понятием.

Как известно, в первом советском учебнике по криминологии отмечается, что «преступность включает в себя всю совокупность конкретных преступлений, совершенных в определенный период времени в данном обществе, но не является простой суммой этих преступлений» [5, с. 55-57]. Понятие «преступность» криминологами советского периода чаще всего употреблялось в значении определенной статистической совокупности, когда речь шла о множестве преступлений. Одновременно с этим в криминологических работах этого периода справедливо подчеркивается социальный характер преступности. Так, Н.Ф. Кузнецова писала в конце 60-х гг., что «преступность – это относительно массовое, исторически изменчивое, социальное, имеющее уголовно-правовой характер, явление классового общества, слагающееся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определенный период времени» [6, с. 173]. В отечественной криминологической литературе (Б.В. Коробейников, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский и др.) долгие годы по указанной выше причине было возможно лишь идеологически нагруженное понимание преступности как «исторически преходящего социально-правового явления классового общества...». В политизированном толковании преступности тех лет проявлялось влияние советской эпохи, не допускавшей плюрализма мнений и заимствований из зарубежной криминологии.

В постсоветской России появляются идеологически нейтральные и более корректные определения преступности. В 1994 г. в учебнике по криминологии под редакцией Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского уточняется, что «преступность – это исторически изменчивое, социальное и уголовно-правовое явление, представляющее собой систему преступлений...» [7, с. 63-65]. «Криминология» под редакцией В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова преступность трактует как «отрицательное социально-правовое явление, существующее в человеческом обществе, имеющее свои закономерности, количественные и качественные характеристики, влекущие негативные для общества и людей последствия, и требующее специфических государственных и общественных мер контроля за ней» [8, с. 22]. А.М. Яковлев приходит к вполне девиантологическому выводу о том, что преступность предстает как единство объ-

ективного начала (социальные действия, поведенческие акты) и субъективного (оценивающая деятельность законодателя, что находит отражение в уголовном законе) [9].

Позднее А.И. Александров вопрошает: «Что такое преступность?» и дает ответ, видимо, под впечатлением событий лихих 90-х, когда многие люди просто прокормиться не могли, работая за мизерную зарплату, что «это массовое решение людьми своих проблем с нарушением уголовного запрета» [10, с. 179]. А.И. Долгова уточняет, что преступность – это «социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета» [11, с. 7]. Как видим, в работах криминологов 90-х гг. и нулевых годов общим местом является указание на то, что преступность определяется легалистски, исходя из нарушения уголовного запрета (закона).

Представители ленинградской – санкт-петербургской криминологической школы дают более социологизированные определения преступности как свойства общества. Например, с точки зрения Д.А. Шестакова, преступность – «свойство общества воспроизводить множество опасных для человека деяний, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов» [12, с. 136].

Исследователи чаще всего опираются в своих определениях преступности на разноплановые критерии, которые конструируются по разным основаниям: общественной опасности, реального вреда и предусмотренности уголовным законом (*nullum crimen sine lege* – нет преступлений без указания о том в законе) [13, с. 36]. С одной стороны, это объективный вред, реальные последствия от преступности и, с другой, криминализация деяния в законе, который отражает субъективное решение законодателя, что считать, а что не считать преступным.

Зарубежные криминологи также подчеркивают многозначность предмета своего исследования. Причем большинство из них ориентируется на девиантологическую трактовку преступности и преступного поведения. Так, Джон Хаген (1985) определяет преступление как «вид девиаций, который состоит в таких отклонениях от социальных норм, которые запрещены уголовным законом» [14, р. 49]. Джон Конклин (1992) рассматривает генезис неформальных социальных норм, их превращение в юридические нормы, а преступление трактует как акт девиации, который «нарушает уголовное право, что наказывается государством» [15, р. 5-6]. Матти Лайне (1994) также рассматривает преступление девиантологически как вид отклонения. С его точки зрения, это «умышленное действие, которое по уголовному или другому законодательству является наказуемым и дает государству право наказания» [16, р. 19-20]. В постмодернистской перспективе

анализа криминальный акт рассматриваются в работах Б.Ди Кристина, К. Хеворда, Д. Миловановича, Дж. Феррела как социальный конструкт, рекурсивная продукция, созданная в ходе социального процесса, в который вовлечен преступник, его жертва и общество. Преступность – интегральная часть общества, вызванная социальной структурой и идеологией, разделяющими отношения между людьми в контексте дискурсивных практик по вопросам распределения ответственности друг перед другом во властной иерархии [17, с. 191-196].

Ф. Шмаллегер в книге «Криминология сегодня» (1999) перечисляет различные трактовки преступления в англоязычной литературе в зависимости от избранного «профессионального» подхода. Он выделяет: юридическое (легалистское) толкование – «преступление есть нарушение закона»; политическое – «преступления суть акты, воспринимаемые властью как прямая или косвенная угроза ее интересам»; социологическое – «преступление есть такой антисоциальный акт, который естественно вызывает репрессию или предполагает необходимость защиты существующей социальной системы», психологическое – «преступление есть форма социального неумения приспособиться к окружающей среде, которое может быть определено как более или менее резко выраженные затруднения, которые индивид испытывает при реагировании на влияние/стимулы своего окружения» [18, р. 30-40].

Как видим, ни отечественные, ни зарубежные криминологи и по сей день не выработали «правильного» определения преступности как главного предмета своих исследований. И это не случайно, поскольку преступность – сложное социальное явление, не имеющее «естественных» границ. С одной, объективной стороны – это социальная проблема, социальная практика, реальность с онтологически опасными последствиями, а с другой, субъективной стороны – это социальная конструкция, определяемая по воле господствующих политических сил законодателем в процессе правотворчества.

Я.И. Гишинский, опираясь на мировой и отечественный опыт, девиантологически определяет преступность как «относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемое законодателем в уголовном законе» [13, с. 45].

Девиантологический взгляд на преступность позволяет расширить палитру признаков преступности как социального феномена. Среди них:

1. *Релятивность (относительность)*. То, что еще «вчера», в советскую эпоху, определялось в УК РСФСР как преступление, например, бродяжничество, попрошайничество, ведение паразитического образа жизни (ст. 209), в современной России декриминализировано. С другой стороны, лжепред-

принимательство (ст. 173) и фиктивное банкротство (ст. 197) УК РФ сегодня являются преступными деяниями, в УК РСФСР этих составов просто не было.

2. *Конвенциональность*. Так, к примеру, в одних штатах США законодатели «договорились» и закрепили в законодательстве запрет на продажу огнестрельного оружия, в других же такое соглашение не состоялось, поэтому нет и соответствующей прогибиционистской нормы.

3. *Сконструированность*. Преступность политически и исторически обусловленный социальный конструкт. Криминологи-конструктивисты и постмодернисты (Л. Хулсман, Н. Хесс, С. Шерер, Д. Гордон и др.) определяют преступность как социальную конструкцию, а не онтологическую реальность. Они рассматривают ее как продукт криминальной политики, поскольку криминализация деяний в законе один из способов искусственного социального конструирования – приписывания поступкам определенных значений.

4. *Функциональность*. Преступность необходима, – считал Э. Дюркгейм, – она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции права и морали [19, с. 86]. Преступность институализирована и выполняет ряд социальных функций. Так, ее наличие служит поддержанию (сохранению) властных отношений; социальной адаптации, удовлетворению ряда потребностей в богатстве и собственности.

5. *Массовость*. Преступность как социальный феномен чрезвычайно распространена. В мире наблюдается абсолютный и относительный рост преступности как регистрируемой, так, особенно, латентной ее части. Преступность имеет характер глобальной проблемы.

6. *Иррегулярность*. Преступность отличается неопределенностью, непредсказуемостью. Преступления совершаются хаотично, независимо друг от друга.

7. *Изменчивость*. Это свойство определяется тем, что преступность реагирует и адаптируется к историческим и социальным изменениям.

8. *Относительная статистическая устойчивость*. К перечисленным выше свойствам Я.И. Гилинский относит способность преступности меняться плавно и закономерно [13, с. 46].

Преступность как социальный феномен и социальная конструкция специфична для каждого общества, культуры и может существенно меняться в ходе смены исторических эпох.

В современной политической, управленческой элите и среднем классе имеет место масштабное распространение «беловоротничковой преступности», которая, например, для России имеет значение первостепенной проблемы, поскольку без ограниче-

ния коррупции, должностных преступлений – нет и не может быть поступательного развития страны.

Эпоха HIGH-TECH постоянно синтезирует и воспроизводит новые технологически и культурно обусловленные практики социальных отклонений и деликтов. В 1997 г. в России было зарегистрировано 33 киберпреступления, в настоящее время – их фиксируется десятки и сотни тысяч. Незаконный доход среднего киберпреступника в современном Нью-Йорке, по данным исследователей, в семь раз превышает добычу обычного преступника. Раскрываемость традиционных преступлений составляет по оценкам полицейского аналитика М. Гудмана в разные годы от 40 до 60 %, а киберпреступлений – 4 % [20].

Иными словами, киберпреступность стала «сетевым феноменом» – высокодоходной и мало рискованной криминальной активностью. Понадобилось всего тридцать лет, чтобы пройти путь от внедрения персонального компьютера до массового распространения киберпреступлений, которые сегодня воспринимаются обществом как новая глобальная криминальная угроза.

Кримфутурологи, анализируя технологические сдвиги в обществе постмодерна, предсказывают всплеск и трансформацию преступности под влиянием грядущей четвертой научной революции, а также отставание реформ в системе социального контроля над преступностью. Уже сегодня очевидно, что отстают от бега времени, социальных и технологических перемен институты расследования, судопроизводства, пенитенциарной системы, которые не обеспечивают в полной мере задачи контроля, превенции, коррекции и исправления криминального поведения, воспроизводя за счет стигматизации высокий уровень рецидивизма. Все эти проблемы с неизбежностью актуализируют интеллектуальные инвестиции в развитие криминологии. Неслучайно, постмодернистский образ криминологии в XXI в. содержит в себе новые базовые черты науки о преступности. Попытку структурировать эти черты предпринял Эдвард Уэллс в статье под названием «Объяснение преступности в 2010 году». Будущее криминологии видится ему в следующих утверждениях:

- более эклектичная, чем прежние теории, и более междисциплинарная, то есть менее привязанная к одной теоретической традиции или дисциплине;
- более компаративная и менее ограниченная единственным типом общества или единственной доминантной группой в нем;
- скорее индивидуалистическая, чем коллективистская, более волюнтаристическая, чем детерминистская;
- ориентированная больше на прикладную, прагматическую направленность;
- нацеленная больше на объяснение преступности «белых воротничков» и элиты;

• более рефлексивная, прибегающая в том числе и к использованию реконструированных положений из биологических оснований человеческого поведения, теоретических подходов из биологической и медицинской области [18, р. 561].

Таким образом, очевидно, что без интенсивного полипарадигмального развития криминологии, в том числе в формате социологии преступности, не нарастить методологический и объяснительный потенциал науки применительно к таким криминальным эпифеноменам, как коррупция, киберпреступность, терроризм, захлестнувших мир постмодерна. Девиантологический взгляд на проблему преступности меняет представление о предмете традиционной позитивистской криминологии. Этот подход не может не спровоцировать дискуссию, к участию в которой и приглашает автор.

Литература

1. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. – М.: Юрист, 2003. – 352 с.
2. Кудрявцев В.Н., Бородин С.В., Кудрявцев Ю.В., Нерсесянц В.С. Социальные отклонения. – М.: Юрид. лит., 1989. – 365 с.
3. Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. – 245 с.
4. Комлев Ю.Ю. Криминология: девиантологический очерк. – Казань: КЮИ МВД России, 2016. – 96 с.
5. Советская криминология: учеб. / Герцензон А.А., Звирбуль В.К., Карпец И.И., Касаткин Ю.П., и др.; Отв. ред.: Герцензон А.А., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. – М.: Юрид. лит., 1966. – 320 с.
6. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М., 1968.
7. Криминология / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. – М., 1994.
8. Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.А. Эминова. – М., 1995.
9. Яковлев А.М. Социология преступности. – М., 2001.
10. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. – М., 2003.
11. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М., 2003.
12. Шестаков Д.А. Криминология: учебник для вузов. – СПб., 2006.
13. Гилинского Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009.
14. Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control. – N.Y., 1985.
15. Conklin J.E. Criminology. 4 edition. – N.Y., 1992.
16. Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения / Пер. с фин. – Хельсинки, 1994.
17. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. – СПб.: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014.
18. Schmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. – New Jersey, 1999.
19. Дюркгейм Э. Норма и патология // Рубеж: Альманах социальных исследований. – 1992. – № 2.
20. Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. – Doubleday, 2015.

Criminology as Sociology of Crime

Yu. Yu. Komlev

Kazan Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia

In the present article the development of criminology is considered as sociology of crime. The author reveals explanatory potential of deviantological approach to study of crime.

Key words: deviantology, criminology, sociology of crime.